

**КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ 2017
(ПЕТРОЗАВОДСК, 16—17 ФЕВРАЛЯ 2017 г.)**

**LOCAL HISTORY CONFERENCE 2017
(PETROZAVODSK, FEBRUARY 16—17, 2017)**

СОЙНИ Елена Григорьевна / SOINI Elena

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

soini@onego.ru

**ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ФИННОЯЗЫЧНОЙ
ПОЭЗИИ КАРЕЛИИ 1920—1930-х гг.***

**THEME OF REVOLUTION AND CIVIL WAR IN THE FINNISH-LANGUAGE POETRY
OF KARELIA, 1920s — 1930s**

Abstract: The article deals with the theme of revolution and civil war in the 1920s — 1930s works of Finnish poets of Karelia. The author proves that each of these poets was a bright individuality. Some of them are characterised by their psychologism, others — by using the theme of deeds and hunger for bloody fight. It had nothing to do with agitation or declarativity, but was dictated by sheer belief to justice.

Ключевые слова / Keywords: Россия, Финляндия, иммиграция, революция, гражданская война, финноязычная поэзия Карелии, 1920—1930-е гг. / Russia, Finland, immigration, revolution, civil war, the Finnish-language poetry of Karelia, 1920s — 1930s.

Исследователи справедливо считают, что для финских писателей-иммигрантов было характерно стремление интегрироваться в советскую литературу, быть подлинными интернационалистами. Финские литераторы в Карелии работали в разных жанрах, обращаясь к общим темам молодой советской прозы и поэзии. Э. Л. Алто, отмечает в поэзии финнов излишнюю агитационность, декларативность, песенно-маршевый стиль¹. Н. В. Чикина, автор книги «Детская литература Карелии на финском, карельском и вепсском языках», подчёркивает, что приехавшие писатели продолжали «традиции советской детской литературы 1920-х годов, одной из тем которой была судьба юношества, потерявшего во время гражданской войны родину»².

На наш взгляд, исключительно важным в поэзии финнов было отстаивание своей «финскости», обращение к исторической памяти.

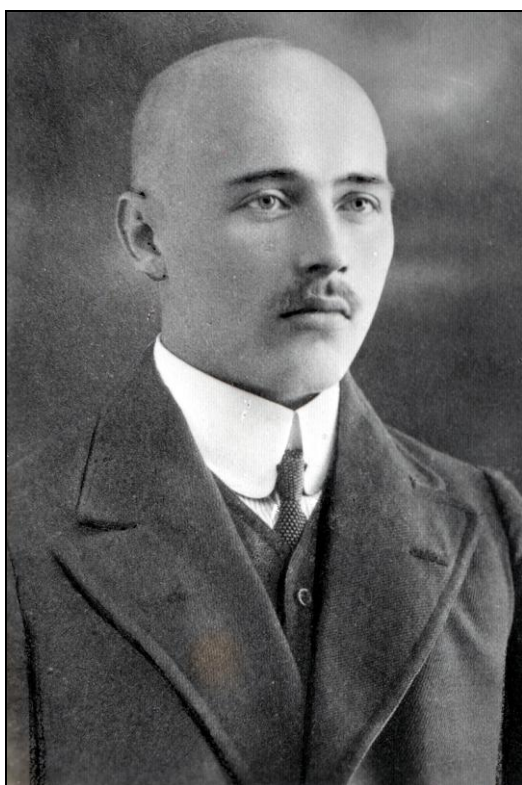
* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР, тема «Место литературы Карелии и Финляндии в художественном контексте XX — начала XXI веков», № 115022540013.

¹ История литературы Карелии: в 3 т. / редкол.: Н. С. Надъярных (гл. ред.) [и др.]. СПб., 1997. Т. 2. Финноязычная литература Карелии. С. 42—48.

² Чикина Н. В. Детская литература Карелии на финском, карельском и вепсском языках. Петрозаводск, 2012. С. 20.

Поэты Лаури Летонмяки (1886—1936), Микаэль Рутанен (1883—1932), Сантери Мякеля (1870—1937) приехали в Карелию после поражения рабочей революции 1918 г. в Финляндии сформировавшимися литераторами. Они смогли передать драму целого поколения финнов, связывавших с Советской Россией свою мечту о социализме. Если одни спасались от белофинских тюрем, то другие жили и состоялись как революционеры в России.

Лаури Летонмяки

Ялмари Виртанен на отдыхе на Кавказе

Как известно, первый поэтический образ В. И. Ленина в советской литературе был создан Ялмари Виртаненом еще в 1917 г. до революций и Гражданской войны. (Ялмари Виртанен, будучи председателем революционного комитета станции Белоостров, встречал там В. И. Ленина.) Поэт только предчувствует надвигающиеся перемены, связывая их с Лениным. В стихотворении «Leninin saaruessa» («Возвращение Ленина») революция ещё не называется революцией, она посылает через Ленина, «душа которого как огонь... <...> Привет борьбы» («mies, jonka on sielu kuin tulta... <...> Taisteluterveiset...»)³, что в цитируемом отрывке хрестоматийных строк не очень точно переведено как «привет революционный»:

³ Laulu Lokakuulle — Песнь Октября : стихотворения / сост. Р. Е. Коты. Петрозаводск, 1987. С. 25 (на фин. и рус. яз.).

Уже на гребне радостных событий
Он, провозвестник будущего дня...
— Солдаты и рабочие! Примите
Привет революционный от меня!

(Перевод М. Тарасова)⁴

Участники финляндского революционного движения, спасшиеся в России от тюрем белофиннов, сражались на фронтах Гражданской войны. Тойво Вякя приводил данные, что «финские красногвардейцы... выставили... четыре стрелковых полка — 1, 3, 164 (6) и 480-й и множество отдельных батальонов и отрядов»⁵. Потерпев поражение на родине, не одержав победы, финские поэты внесли в литературу «мощный заряд нравственной энергии»⁶, ничего общего не имеющей с показной декларативностью. Это была мужская поэзия с жаждой кровавой борьбы, гибели в бою за свободу. Личное переплеталось с историческим. «Красный партизан» Ялмари Виртанена, «В пути» Германа Лаукканена, «Молчаливым борцам» Сантери Мякеля, «К оружию, люди» Лаури Летонмяки. Герои их стихотворений под стать фольклорным персонажам. Хлеб в сумке, желание мстить господам и принести себя в жертву напоминают фольклорного героя раба-пастуха Куллерво. Образ Куллерво — своеобразный код к пониманию «неудержимой жажды борьбы»⁷ пролетарских поэтов.

Прочь из тесных избушек, друзья!

С хлебом сумку на плечи.

До свиданья, мой дом и семья,
А вернусь ли — не ведаю я,
Только слёз вы не лейте....

(Перевод О. Мишина)⁸

Э. С. Киуру видит в сюжете этого стихотворения «К оружию, люди!» Лаури Летонмяки и «фольклорный мотив “ухода из дома”, встречающийся в финских народных песнях самого различного содержания»⁹:

Остаются в избушках глухих

Только нищие дети.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Цит. по: Руханен У. Н. В вихрях века: воспоминания и очерки / пер. с фин. яз. Э. Топпинен. Петрозаводск, 1991. С. 21.

⁶ Коты Р. Е. [Вступительная статья] // Laulu Lokakuulle — Песнь Октября. С. 15.

⁷ Там же.

⁸ Летонмяки Л. К оружию, люди! // Антология карельской поэзии. Петрозаводск, 1963. С. 119.

⁹ Киуру Э. С. Народно-поэтические традиции в творчестве финских пролетарских писателей-эмигрантов // Скандинавский сборник. Таллин, 1965. Вып. X. С. 208.

Это битва большая — для них.

Ухожу я в рядах боевых

Только слёз вы не лейте...¹⁰

Первый поэтический сборник «*Kumouksen kuohuista*» («Из бурных волн революции»), объединивший стихи трёх поэтов — С. Мякеля, Г. Лаукканена и В. Викмана, вышел в ленинградском издательстве «*Kirja*» («Книга») в 1925 г. К этому времени Сантери Мякеля уже успел опубликовать отдельной книжкой рассказ «*Linda*» («Линда») о войне 1808—1809 гг. и роман «*Elämä ikuisessa yössä*» («Жизнь в вечной ночи», 1911) в США.

Поэзия Мякеля была изначально социальна. В 1903 г., по свидетельству критика Калле Леполы, среди американских финнов приобрела огромную популярность «Песня шахтёра» Мякеля, где поэт говорит для шахтёров и от имени шахтёров. Поэт уже готов пожертвовать жизнью, «тоскует по горячей борьбе», жаждет видеть «красавые розы»:

Vapaus, vapaus, vapaus suur

Sun nimies on jumalainen!

Jos verelläin sinut vain ostaa voisiin

Pomielin sen uhraisin...¹¹

О свобода, свобода, свобода великая,

Твоё имя божественно!

Если бы я мог тебя выкупить кровью,

Я бы с радостью принёс её в жертву.

Мякеля удачно избегает прозаизации поэтического текста, его песня потому и была любима среди финских шахтёров, что её нельзя было спутать с газетной агиткой.

В «Песне шахтёра» есть привычная для пролетарской поэзии тех лет лексика: «пролетарий», «тиран», «борьба», «свобода»:

Oi luoja, oi luoja, sua kiroa en,

En kiroa kohtaloain.

Minä kiroan valtoja tyrannien

Ja vapauttain ikävöitsen ...

Minä ikävöin vapautta ihmiskunnan,

Proletaarien sorrettujen.

Minä ikävöin taistohon kuumimpahan,

Veriruuksija katsomahan!¹²

¹⁰ Антология карельской поэзии. С. 119.

¹⁰ *Mäkelä S. Kaivostyömiehen laulu // Lepola K. Kynätyösaralla, puhujalavalla ja apajilla // Kevätvyöry*. 1934. No. 6. S. 144—145.

¹² *Ibid.*

О создатель, создатель, я не кляню ни тебя,
Ни свою судьбу.
Я поднимаю голос на тиранов...

И тоскую по свободе человечества,
Угнетённых пролетариев.
Я тоскую по горячей борьбе,
Я хочу видеть кровавые розы.

Но при всей жажде борьбы и «кровавых роз» Мякеля мечтает, чтобы свобода пролетариата была достигнута не ценой разрушения. Трагизм классовой борьбы преодолим. Мякеля ещё не осуждает Бога, не осуждает бледнолицую любимую за её видимое благополучие. Калле Лепола и позже Тайсто Сумманен¹³ верно писали, что на мирозерцание поэта влияла его принадлежность к древнему крестьянскому роду с вековыми традициями и незыблемыми идеалами.

Поражение финляндской революции, участником которой был поэт, оставило тяжёлый след в его душе. В его поэтическом словаре всё чаще появляется слово «проклятье» (*kirous*). В стихотворении «*Taistelua ja kuolemaa*» («Борьба и смерть», 1919), посвящённом финским красногвардейцам, поэт с проклятьем и благословением одновременно вспоминает родную землю, где они погибли:

Kiroten muistamme maata...
Missä on kruunattu rikos
Ja veljien murha.

Siunaten muistamme maata,
Missä on veljiemme hauta,
Joidenka keralla kerta,
Nojaten olkahan olka
Riveissä seisoiimme
Uhmaten lahtarivaltaa!¹⁴

¹³ Очерк истории литературы Советской Карелии. Петрозаводск, 1969. С. 63—74.

¹⁴ *Mäkelä S.* *Taistelua ja kuolemaa* // *Kumouksen kuohuista*. Leningrad, 1925. S. 11.

С проклятьем вспоминаем землю...
Где короновано преступление
И братоубийство.

И всё же с благословением вспоминаем землю,
Где могилы наших братьев,
Где плечом к плечу
Стояли в рядах,
Сопротивляясь власти лахтарей.

Болью и душевной горечью пронизаны строки «Jaakko Pikan kirous» («Проклятье Яакко Илкки», 1924). В этом стихотворении не осталось места ни прощению, ни благословению, только гнев и вера, «жгучая вера... в Правду». Подобно Илерми (герою стихотворения классика финского неоромантизма Эйно Лейно), Яакко Илкка бросает вызов мирозданию, отвергая религию, устоявшийся порядок вещей:

К чёрту речи поповские
и перезвон колокольный!
Нам не в братской могиле лежать,
а в холодном песке.
(Перевод Р. Такалы)

Лирический герой проклиная землю, «что несёт бедняку лишь оковы», проклиная «генералов, сборщиков разных налогов», «тюрьмы и мрачный топор палача». Что же остаётся идеальным? В чём видит неизменные ценности автор «Проклятья Яакко Илкки»? В чём, наконец, истина? И во имя чего происходили сражения, столь образно описанные Мякеля?

Мы сшибались с врагом —
так сшибается пахарь с камнями,

Что встают из борозд
и о лемех скрежещут стальной.
Мы громили господ всем народом, а не в одиночку.
Не страшны кандалы нам,
ни холод,
ни голод,
ни смерть.

(Перевод Р. Такалы)¹⁵

¹⁵ Мякеля С. Проклятье Яакко Илкки // Антология карельской поэзии. С. 124.

На эти сложные вопросы поэт даёт простой, но, пожалуй, единственно верный ответ: неизменной ценностью для поэта остаётся труд землепашца, и вообще труд, который не обманет, не предаст; и награда за него должна принадлежать самому человеку труда:

Мы — рабы. Но сильны мы одною заветною верой.
Что прекраснее утра и чище багряной зари.
Тот хозяин лесов, что стволы заскорузлые валит,
Хлеб — того, кто его своим потом растит.

(Перевод *Р. Такалы*)¹⁶

Из всех стихотворений Мякеля, написанных в Карелии, наибольшую известность получило его поэтическое обращение «Молчаливым борцам» («*Mukille joukoille*», 1922). Оно было востребовано, переводилось, о нём тепло отзывалась современная поэту критика. «...Молчаливые массы говорили языком своих великих дел», — писал о стихотворении Калле Лепола¹⁷.

Оппозиция слова и дела у Мякеля приобретает новый смысловой оттенок — словам противопоставляются не только подвиги и великие дела, но шрамы и могилы бойцов («Молчите — но раны за вас говорят»¹⁸, перевод *М. Тарасова*) («Могилы среди бесконечных снегов / Холмов неподвижные волны»). Повествуя о судьбе «молчаливых бойцов», поэт останавливает своё внимание на событиях Гражданской войны в России:

Громил ты и Врангеля и Колчака,
И шёл ты неутомимо
В снегу по колени и в тучах песка,
Почти без одежды, почти без пайка
Под небом Сибири и Крыма.

(Перевод *М. Тарасова*)

Создаётся впечатление, что на вопрос, поставленный в самом начале стихотворения, поэт не может найти ответа:

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Lepola K.* Kynätyösaralla, puhujalavalla ja arajilla. S. 148.

¹⁸ *Мякеля С.* Молчаливым борцам // Антология карельской поэзии. С. 121.

О люди, кто был молчаливым в борьбе,
Откуда вы — кто вы, ответьте?
И кто нам расскажет о вашей судьбе,
О том, что давно вы храните в себе,
Что вы повидали на свете.

(Перевод М. Тарасова)¹⁹

Т. Сумманен высказывает предположение, что Мякеля адресует вопрос, скорее, себе, чем погибшим финским красногвардейцам. И то, что вопрос остаётся открытым, придаёт стихотворению драматичность и пророческое трагическое звучание. Мякеля не сказал и не мог сказать всего, что тревожило его сердце. Пафос его лирики уступает место поэзии полунамёков с чертами обречённости.

Широта литературных взглядов Мякеля обнаруживается в его статье «О пролетарском искусстве», опубликованной в журнале «Сойхту» («Soihtu», т. е. «Факел»): «Писателю нельзя... упрямо отвергать всякое произведение буржуазного искусства. Надо не бояться учиться у буржуа. ...Если классовое чувство, точнее, классовая ненависть станет столь слепой, что мы безоговорочно осудим всё, произведённое буржуазией, как мусор, как ересь, достойную костра, то это будет равносильно выплёскиванию ребёнка из ванны вместе с водой»²⁰.

Другой автор сборника «Из бурных волн революции», Герман Лаукканен, представлен двумя стихотворениями «Inkerin kuntäjä» («Ингерманландский пахарь», 1923) и «Käy juhlaan» («Настал твой праздник», 1923). Герман Лаукканен — выходец из Савонлинны, жил с 1915 г. в Петрограде, участвовал в боях с армией Колчака, в 1929 г. переехал в Петрозаводск. Здесь в 1931 г. он выпустил поэтический сборник «Elettyä» («Прожитое»). Поэзия Лаукканена — ярко жизнеутверждающая и молодая по мироощущению, каждое стихотворение наполнено ожиданием будущего, которое представлялось поэту почти исключительно в розовых тонах. Если он пишет о мученической жизни раба, то непременно обещает, что будет возмездие, придёт час отмщения («Te kuuletteko», «Вы слышите», 1926), что старый мир будет разрушен и наступит новое утро:

Silloin

Syksy-yöhön

orjantyöhön

Karjahtaa kutsu kerran...

Iskee kuin teräs terävä,

¹⁹ Там же.

²⁰ *Mäkelä S.* Proletaarisesta taiteesta // *Soihtu*. 1929. No. 10. S. 10.

Viiltää kuin pakkasvihuri,
Tunkee orjan rinnan alle,
Repii auki vanhat aret,
Kutsuvi,
 kiehtovi,
 tuleen liehtovi
Soimaten,
 syyttäin, kehoittain,
 puutain
Nousemaan koittoon,
Uskomaan vapauden voittoon²¹.
 («Myrsky», «Буря», 1926)

Однажды
осенью за полночь
 во время работы рабской
Раздастся призыв пронзительный...
Прорежет морозным холодом,
Вонзится кинжалом в грудь раба,
Взъерошит идеи старые,
Раздует
 огонь возмездия,
Играя,
 бодря, осуждающе,
 Взывая,
Подняться с верою
В победу свободы будущей.
 (Перевод *Е. Соини*)

В поэзии Германа Лаукканена явно присутствует чувство юмора. Говоря о «старых временах», он, скорее, смеётся над ними, чем прокликает:

Silloin mulle selvis taika!
Sehän ol'kin herrain aika.
Tieten...
Olimme me hullu kansa.

²¹ *Laukkanen H. Elettyä. Petroskoi, 1931. S. 9.*

И открылась мне тайна колдовства:
Тогда было время господ.
А мы, понятное дело, были глупым народом.

(«Viisaat ja hullut», «Глупые и умные», 1920)²²

Микаэль Рутанен приехал в Карелию в 1931 г. из Соединённых Штатов Америки, где жил с 1908 г., меняя в поисках работы Детройт на Нетанн, Миннесоту на Пенсильванию, и успел прославиться как рабочий поэт. Рутанен прожил в Карелии всего около двух лет, но ему довелось стать певцом этого края. Даже его трагическая смерть на лесоповале от удара упавшего дерева была окрашена в некие символические карельские тона. Романтическое мироощущение характерно для его ранних стихотворений. Образы света, вестника, звёзд — реалии поэтического мира молодого Рутанена. Поэт был всего на пять лет моложе Эйно Лейно, лидера финского неоромантизма. И часто цитируемые стихи Лейно «Когда стоят часы» («Kun kello seisoo», 1896), несомненно, были известны молодому Рутанену, бравшему книги в рабочей библиотеке²³. Лейно пишет о той неразберихе, что возникла в народе, когда остановились часы на городской башне; поэт верит, что, наконец, должно быть восстановлено истинное время:

Jos tääll ois mies, jos yksikin
Niin itse nousis tornihin
Ja voiman oikeudelle hän
Sen kellon vetäis käymähän
Ja huutais: «Häin on aika maan!»²⁴

Если бы нашёлся хоть один мужчина
И сам поднялся на башню
И со всей силой
Пустил бы ход часов
И крикнул бы: «Вот какое время на земле!»

²² Ibid. S. 5—6.

²³ См. об этом: *Luoto L. Joonas Mikael Rutanen // Rutanen M. Työn laulu*. Leningrad, 1933. S. 3—5.

²⁴ *Leino E. Tarina Suuresta Tammesta y. m. runoja*. Porvoo, 1896. S. 62.

Стихотворение Рутанена «Глашатаю счастья» («*Onnen airueelle*», 1908) — это такой же, в традиции неоромантиков, поиск человека, героя, вестника, который мог бы предсказать великий день, мог бы восстановить истинное время:

Suomen taivas synkkä, musta,
poissa kevät, eessä syys,
sydamessä kansan tuska,
raivoo ajan kylmekkuys.

<...>

Saavu tänne onnen airut,
Päivää suurta ennusta,
joka poistaa surun vairut
pohjolan taivaalta²⁵.

Мрачное тёмное небо Финляндии.

Ушла весна. На подходе осень,
В сердце народа тоска,
Холод времени тревожит небо.

<...>

Прибуди сюда, глашатай счастья,
Предскажи великий день,
Когда исчезнет
С моего северного неба печаль.

Неоромантическая традиция отразилась на внимании поэта к внутреннему миру человека, на некотором психологизме и мягкости его политической лирики. Мягкость и условность в ранней поэзии Рутанена отметил и Лаури Летонмяки. В своей статье «О творчестве Микаэля Рутанена» Летонмяки писал, что эти качества «будут характерны для поэта в течение десятилетий»²⁶.

В 1930 г. в Америке, в Сьюпериоре, где жил Рутанен, вышел сборник его стихов «Песни борьбы» («*Taistelun säveliä*»). Для него характерны темы рабочего движения, Гражданской войны в Финляндии и революции в России. На этом материале Рутанен

²⁵ *Rutanen M.* Työn laulu. S. 10.

²⁶ *Letonmäki L.* Mikael Rutasen tuotannosta // *Ibid.* S. 11.

пытается решить вечные вопросы бытия, братской любви (в её романтическом, а не экспрессионистском освещении).

Книга Рутанена начинается стихотворением «Памяти русской революции» («Venäjän vallankumouksen muistolle»), в котором воспоминания о «кричаще нищенском существовании» простого человека в царской России, завершаются призывом, звучащим как мистическое послание высших сил:

Näki kansa kuin ilmestyksen
Ja HUUTAVAN ÄÄNEN kuuli:
— Jo nouskaa...²⁷

Увидел народ явление
И услышал ТРУБНЫЙ ГЛАС:
— Вставайте...

И хотя «трубный глас» убеждает угнетённых людей, что им поможет не «жалость богов, а только сила и воля массы», всё же именно богиня счастья проявляет благосклонность к рабочему люду и берёт под свою опеку.

В стихотворении «Братья» («Veljekset») поэт пытается разобраться в чувствах красноармейца, встретившего на поле боя родного раненого брата, сражавшегося на стороне белых. О близких людях, оказавшихся по разные стороны баррикад, написано в мировой литературе немало.

Вспомним хотя бы Михаила Булгакова и Михаила Шолохова. Каждый писатель предлагает свой вариант человеческого поведения в сложнейшей ситуации. Рутанен ставит красного героя перед мучительным выбором между идеей революции и братской любовью. Финал стихотворения остаётся открытым, незавершённым, красногвардеец отказывается быть судьёй собственному брату, «добрые чувства заполняли сердце героя... и представил он себя в детстве».

Поэту важнее раскрыть психологию своих героев, показать, что любовь к родному дому, к матери, к братьям — это абсолютная нравственная ценность, которая не может быть забыта ни при каких социальных, политических разногласиях:

Taistelu se oli sisäisintä
Kahden voiman: vihan, rakkauden.<...>

²⁷ *Rutanen M. Taistelun säveliä. Superior, 1930. S. 4.*

Muistui mielehensä äiti raukka,
Äiti köyhä, äiti surusilma,
Ryppyhuuli, puutteen näännyttämä.
Sama sydän sykki molemmille,
Molempia ruokki sama rinta,
Sama kohtu molempia kantoi²⁸.

Внутри у него кипела битва
Между ненавистью и любовью. <...>
Вспомнил он свою мать,
Мать бедную и печальную,
Не знавшую радости.
Одно сердце билось навстречу братьям,
Одна грудь кормила обоих,
Одно чрево вынашивало...

В Карелии лира Рутанена зазвучала по-новому. Можно говорить если не о разных поэтах в лице Рутанена, то о разных подходах Рутанена к творчеству. Исчезает психологизм, главными героями стихов Рутанена становятся топоры, гвозди, машины, пилы, порой создаётся впечатление, что всё это приходит в действие само по себе, без участия человека. Поэт обращается к внешнему миру и воспеваает его.

В отличие от Микаэля Рутанена Людвиг Косонен (1900—1938) был профессиональным политиком, революционером. Почти все стихи Косонена были созданы в тюрьме. «Тюрьма вынуждала прибегать к большому количеству сравнений, использовать метафорический язык»²⁹.

Но в какую бы метафорическую форму ни пытался облечь их поэт, его стихи были яркими, откровенными призывами к борьбе — призывами пролить кровь:

Tulkaa, tulkaa taistelun päivät
Jo jälleen miehelle mulle.
Ah, miten rakkaina rintaan jäivät
Haavanne haavoitetulle!

²⁸ Ibid. S. 18.

²⁹ *Kosonen L.* Marssimme eteenpäin. Leningrad, 1932. S. 3.

Lyökää, lyökää leveät miekat,
Niinkuin löitte jo kerta.
Viekää, juokaa heleät hiekat
Pois multa liikaa verta!

Tulkaa, tulkaa voittojen teitä
Työläiset miljoonaluvut.
Нумыilkää huoleti hulluja meitä
Tulevat sankarisuvut!³⁰

(«Mies kuolemanpataljoonasta», «Человек из батальона смертников»)

Придите, придите, ко мне дни борьбы!
О, как любимы ранеными ваши раны!

Бейте, бейте, мечи,
Как вы уже однажды били.
Уносите, ясные песни,
Из меня лишнюю кровь!

Пройдите, пройдите победной дорогой,
Миллионы рабочих.
Улыбнитесь беспечно над нами, глупыми,
Будущие героические поколения!

Часто в стихах Косонена кто-либо погибает, проливается чья-либо кровь: «...jokainen askele / taistoa tuskien tiellä»³¹ («...Каждый шаг был полон борьбы на пути испытаний») — «Kumpi on suurempi» («Кто величественнее?»); «Ja sankariveri se kasteli Neuvosto-Venäjän multaa»³² («Героическая кровь окропляла землю Советской России») — «Trotski» («Троцкий»).

И не умирать естественной смертью, а погибать советует поэт пролетарию:

Elämänarvoitus
On selvä proletaarille,
Joka on ratkaissut kantansa

³⁰ Ibid. S. 7.

³¹ Ibid. S. 8.

³² Ibid. S. 19.

Luokkien väliseen taisteluun:

Elä iloisesti,

Tee paljon työtä,

Kaadu kuin mies!

(«Elämänprobleemi», «Проблема жизни»)³³

Открылась тайна жизни пролетарию...

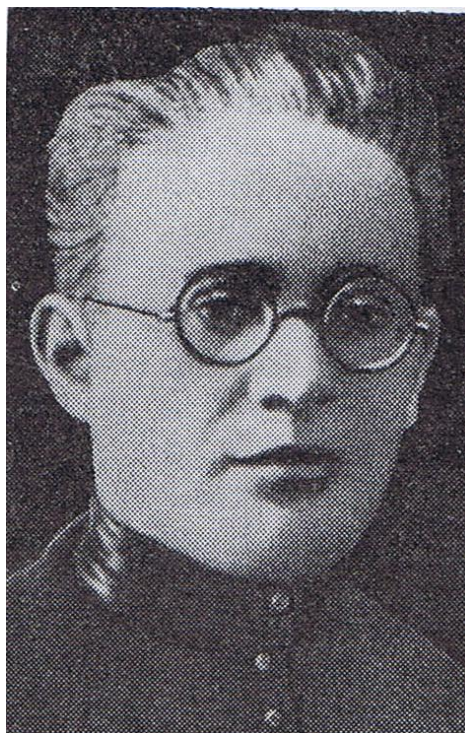
Живи весело,

Много работай,

Погибай, как мужчина!

Фото 3

Людвиг Косонен

В изданном в СССР сборнике «Шагаем вперёд» («Marssimme eteenpäin») жажда боя, стремление пролить свою или чужую кровь совмещались у поэта с чисто философским отношением к жизни. Сказать: «Живи весело и... погибай» мог человек, который не очень дорожил жизнью, или жизнь не дорожила им.

В стихах Косонена много пессимизма и даже отчаяния. Некоторые его стихи не совсем вписываются в поэзию 1920—1930-х гг. с её пафосом, незыблемыми идеалами.

³³ Ibid. S. 25.

Niin monta epäilystä, arvoitusta,
Niin monta sieluntuskaa, suurta hätää.
Niin vähän miestä, miehen uskallusta,
Niin paljon alhaisuutta, saastaa, mätää.

<...>

Ei yhtä tuumaa lahjaks kuljettua,
Viimeiseen pennin maksoit koko hinnan.

(«Erään rajaryykin vierrellä», «У веги»)³⁴

Так много сомнений, загадок,
Душевной боли, больших несчастий,
Так мало людской веры,
Так много низкого, мерзкого, гнилого.

<...>

Ничто не давалось даром,
Всё оплачено полной ценой.

Однако выводы, к которым приходит поэт в итоге своих размышлений, оставляют надежду. Душевной боли, сомнениям Косонен противопоставляет борьбу:

Näin vuodet ahjossansa aina miestä
Ne taistotehtäviä varten valaa.
Ain yhä tietoisammaks tulet tiestä,
Ain yhä polttavammin rintas palaa.

(«Erään rajaryykin vierrellä», «У веги»)³⁵

Так годы в своём горне
Отливают человека для борьбы.
И всегда более знающим становится он на этом пути,
И всё сильнее пылает огонь в твоей груди.

³⁴ Ibid. S. 9.

³⁵ Ibid.

Финская революционная поэзия Карелии стала своеобразным знаменным маршем. Она не была деталью исторического сюжета. Всё было продиктовано искренней верой. Каждый поэт был яркой индивидуальностью. В то же время темы подвига, кровавой борьбы за справедливость в какой-то мере опустошали душу поэтов.

Через поэзию финских иммигрантов русские читатели познакомились с финским менталитетом, финским национальным характером. Финская поэзия Карелии 1920—1930-х гг. — достаточно яркая страница в литературе России, но надо признать, что до сих пор она по достоинству не оценена.

Список литературы

История литературы Карелии : в 3 т. / редкол.: Н. С. Надъярных (гл. ред.) [и др.]. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — Т. 2. Финноязычная литература Карелии / Э. Л. Алто. — 245 с.

Киуру, Э. С. Народно-поэтические традиции в творчестве финских пролетарских писателей-эмигрантов / Э. С. Киуру // Скандинавский сборник. — Таллин : Ээсти Раамат, 1965. — С. 205—222.

Очерк истории литературы Советской Карелии / ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. — Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1969. — 373 с.

Руханен, У. Н. В вихрях века : воспоминания и очерки / У. Н. Руханен ; пер. с фин. яз. Э. Топпинен. — Петрозаводск : Карелия, 1991. — 263 с.

Чикина, Н. В. Детская литература Карелии на финском, карельском и вепском языках / Н. В. Чикина. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2012. — 147 с.

Laulu Lokakuulle — Песнь Октября : стихотворения / сост. и авт. вступ. ст. Р. Е. Коты. — Петрозаводск : Карелия, 1987. — 207 с. (на фин. и рус. яз.).

Lepola, K. Kynätyösaralla, puhujalavalla ja apajilla / K. Lepola // Kevätvyöry. — 1934. — No. 6. — S. 141—148.

Letonmäki, L. Mikael Rutasen tuotannosta / L. Letonmäki // Rutanen M. Työn laulu. — Leningrad : Kirja, 1933. — S. 9—14.

Luoto, L. Joonas Mikael Rutanen / L. Luoto // Rutanen M. Työn laulu. — Leningrad : Kirja, 1933. — S. 3—5.